

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2086

(1886)

ВСТУПЛЕНИЕ К ТЕМЕ

У этой книги несколько героев. Самый главный — конечно, тот, чье имя вынесено на переплет. Но человек этот обладал такими удивительными свойствами, так хорошо знал природу вещей, людей, деревьев, птиц и зверей, так умел прятаться и маскироваться, что голыми руками его не взять. И я, принимаясь за книгу, не знал, чем она окончится и куда заведет меня мой загадочный персонаж, сумею ли понять его и проникнуть в его тайну.

Казалось бы, чего проще — перед нами восемь томов его сочинений, и среди них добрая половина автобиографических, несколько книг его жены Валерии Дмитриевны и книга воспоминаний о нем. Наконец, перед нами четыре изданных тома его дневников, охватывающих период с 1914 по 1925 год (всего этих томов должно быть двадцать пять!). Писали о нем многие замечательные русские и советские поэты и прозаики (хотя, как увидим дальше, писали весьма противоречиво), высоко ценили критики, литературоведы и литературные начальники.

С легкой руки некоторых из них в нашем сознании долгое время существовала легенда о Пришвине как тайновидце, волхве и знатоке природы. Однако сам Пришвин признавался, что пейзажей не любит и писать их стыдится. И пишет вообще о другом. А место свое в литературе определил так: «Розанов — послесловие русской литературы, я — бесплатное приложение. И все...»¹

Сказано это было в 1937 году, что в комментариях не нуждается. И так возникает еще один сюжет и еще один герой — Василий Васильевич Розанов, образ которого тянется через долгие годы пришвинской жизни. Культура развивается в диалоге, и Пришвин, хотя и стоял особняком в литературе (даже дачи в Переделкине у него не было, не участвовал он в писательских комиссиях, разве что в Малеевке бы-

вал иногда), не исключение, а скорее подтверждение этого правила. Писатель, которого с легкой руки законодательницы высокой литературной моды начала века Зинаиды Николаевны Гиппиус часто упрекали в *без-человечности*, болезненном самолюбии и самолюбовании, был насквозь диалогичен, и только через диалоги и полемику может быть оценен и понят. Поэтому писать о Пришвине — это писать об эпохе, в которой он жил, и о людях, с которыми он спорил, у кого учился, кого любил и кого недолюбливал. Это верно по отношению к биографии любого писателя, но к Пришвину приложимо вдвойне, потому что не одну, а несколько эпох прожил этот человек, родившийся в семидесятые годы XIX века и умерший в пятидесятые XX, много чему был свидетель и испытатель и все, что видел, кропотливо заносил в свой великий Дневник — главное и до сих пор не прочитанное произведение, бережно сохраненное для нас его женой Валерией Дмитриевной.

Традиционно принято считать, и эта точка зрения находит отражение во многих исследованиях, что творческий путь Пришвина — это путь от модернизма к реализму. Или так: от реализма к модернизму и опять к реализму. Но что-то здесь не сходится. Ни «Осударева дорога», ни «Корабельная чаша» не укладываются в рамки реализма, как бы широко и благожелательно мы это понятие ни толковали.

Пришвин, и в этом едва ли не главная его особенность, осознавая свою органическую связь со старой дореволюционной русской традицией («Старый писатель, как превосходный старый трамвай, но гордиться тут нечем советскому человеку — сделан при царском правительстве»²), полагал непременным условием таланта, сущностью его — чувство современности и уподоблял это чувство способности перелетных птиц ориентироваться в пространстве. В 1940 году он сказал: «Писатель должен обладать чувством времени. Когда он лишается этого чувства — он лишается всего, как продырявленный аэростат»³.

Тем более удивительно, что в 1943 году в деревеньке Усолье под Переславлем-Залесским он записал в дневнике: «Вчитывался в Бунина и вдруг понял его, как самого близкого мне из всех русских писателей...

Бунин культурнее, но Пришвин самостоятельнее и сильнее. Оба они русские, но Бунин от дворян, а Пришвин от купцов»⁴.

Появление Бунина на страницах пришвинского Дневника и закономерно, и неизбежно, и поразительно. Поразительно тем, что, в отличие от устремленного к современно-

сти Пришвина, Бунин до конца дней любил Россию древнюю, и чем древнее, тем она ему была дороже, и не переносил России новой, советской, которую пытался не только понять, но и принять Пришвин и которой служил если не он сам, то его любимые герои. А неизбежно имя Бунина в контексте пришвинского творчества потому, что здесь столкнулись не просто две крупные личности, два мировоззрения или даже два класса, но два русских времени: прошедшее и будущее.

Оба они принадлежали к одному поколению, были земляками и прожили долгие, хронологически совпадающие жизни; в судьбах этих писателей есть странное равновесие схожих и разительно отличных черт, внешних и внутренних совпадений, относящихся к детству и ранней молодости, и едва ли не первая и главная из них — бедность и неровные, изломанные отроческие годы, из которых трудно было выбиться в люди. Есть удивительные точки сближения в их дальнейшем творческом пути, поразителен их глубочайший диалог о России, русской революции, народе, вере в Бога, который заочно, сами того не ведая, вели они и в своих дневниках, и в художественной прозе.

С помощью Бунина, как мне кажется, Пришвина легче понять. Михаил Михайлович был человек таинственный и непростой, мало перед кем раскрывался, если не считать Дневника, — но ведь даже дневник, каким бы искренним он ни был, освещает лишь часть человеческого «я» и под вполне определенным углом зрения, многие вещи затеняя и пряча.

Бунин — величина абсолютная как солнце, Бунин — резкий свет, Пришвин — кладовая полдневного светила, переход от тьмы к свету и от света к тьме, и как тень невозможно без света, так таинственное царство подземных корней невозможно без солнца... Но не только в этом дело.

«Есть люди такие, как Ремизов или Бунин, о них не знаешь, живы ли, но их самих так знаешь, как они установились в себе, что не особенно и важно узнать, живут они здесь с нами или там, за пределами нашей жизни, за границей ее», — писал он ровно за год без трех дней до смерти Бунина⁵.

Был у Пришвина и злой его гений, противник. Тоже замечательный писатель — тезка Тургенева и Шмелева, Иван Сергеевич Соколов-Микитов. Это именно он обронил о Пришвине, которого долгие годы хорошо знал: «Пришвин (...) на своем эгоизме, со своей эгоистической философией отдавал сердце лишь себе самому и «своим книгам», пита-

ясь, впрочем, «соками», (...) был красив, но вряд ли храбр... как городской барин и интеллигент»⁶. Про внутреннюю связь Бунина и Пришвина он высказался так: «И в человеческой, и в писательской жизни шел Пришвин извилистым сложным путем, враждебно несхожим с писательским путем Ивана Бунина — ближайшего его земляка (быть может, в различиях родового и прасольско-мещанского сословий скрывались корни этой враждебной непохожести). Пришвина иногда называли «бесчеловечным», «недобрым», «рассудочным» писателем. Человеколюбом назвать его трудно, но великим жизнелюбом и «самолюбом» он был несомненно. Эта языческая любовь к жизни, словесное мастерство — великая его заслуга»⁷. Впрочем, здесь, кажется, примешалось личное. Хотя о главном в Пришвине — той самой любви к жизни — сказано, несомненно, точно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ГЕНИЙ ЖИЗНИ

Глава I ДЕТСТВО

Писателями не становятся — рождаются. Сам Пришвин, правда, при этом оговаривал: «Родятся поэтами почти все, но делаются очень немногие. Не хватает усилия прыгнуть поэту на своего дикого коня»¹.

В середине двадцатых годов он напишет одну из лучших своих книг — автобиографический роман «Кашеева цепь», и в первых ее главах, вернее звеньях — ведь речь идет о цепи — перед нами предстанет нежный и отважный мальчик Курымушка, влюбчивый, живой и внимательный. Прозвище свое дитя получило от кресла, стоявшего в комнате и названного взрослыми загадочным и непонятным словом «Курым». Насколько Курымушка соответствовал Мише Пришвину, равно как Алпатов (фамилия героя романа) — отроку Михаилу, сказать трудно, но Пришвин об этом соотношении оставил в Дневнике такие поэтические строки: «Есть семя, жаждущее влаги и ожидающее своего расцвета: вот из этого непророщенного семени и цветов, не расцветших в своей собственной душе, я создам своего героя, и пишу историю его как автобиографию, оно выходит и подлинно, до ниточки верно, и неверно, как говорят, “фактически”»².

Верно или неверно, этого вопроса мы еще коснемся, но именно так, рука об руку шли в его жизни творчество и собственная судьба, и говорить о пришевском детстве — значит говорить о его автобиографическом романе, и наоборот.

Людам свойственно идеализировать свое детство и окружающих его людей. Есть этот благодный налет и в «Кашеевой цепи», однако больше в этих описаниях драматизма. В детстве Пришвин был впечатлителен, нервозен, рано потерял отца, как всякий росший без отца мальчик от сиротства страдал и всю жизнь эту потерю пытался восполнить.

«Родился я в 1873 году в селе Хрушево, Соловьевской волости, Елецкого уезда, Орловской губернии, по старому сти-

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление к теме	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Гений жизни	9
<i>Глава I. Детство</i>	9
<i>Глава II. Отрочество</i>	19
<i>Глава III. Юность</i>	32
<i>Глава IV. Пришвинские университеты</i>	50
<i>Глава V. Первая любовь</i>	62
<i>Глава VI. Дух и плоть</i>	75
<i>Глава VII. Первая книга</i>	89
<i>Глава VIII. Религиозно-философское общество</i>	100
<i>Глава IX. Конец света</i>	119
<i>Глава X. Слепая Голгофа</i>	130
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Чан	148
<i>Глава XI. Красное колесо</i>	148
<i>Глава XII. Пришвин в восемнадцатом году</i>	163
<i>Глава XIII. Ключ и замок</i>	182
<i>Глава XIV. Шкраб</i>	201
<i>Глава XV. Охота за червонцами</i>	221
<i>Глава XVI. В краю, где не было революции</i>	240
<i>Глава XVII. В поисках идеального большевика</i>	260
<i>Глава XVIII. Символ веры</i>	273
<i>Глава XIX. Козочка</i>	285
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. По эту сторону добра и зла	292
<i>Глава XX. Сталин, мужики и большевики</i>	292
<i>Глава XXI. За перевалом</i>	312
<i>Глава XXII. Победитель</i>	328
<i>Глава XXIII. Разумник</i>	353
<i>Глава XXIV. Клубок писателей</i>	372
<i>Глава XXV. Медный всадник социализма</i>	386
<i>Глава XXVI. Ночки и денечек</i>	398
<i>Глава XXVII. Старшие</i>	417
<i>Глава XXVIII. Война</i>	435
<i>Глава XXIX. Висельная дорога</i>	449
<i>Глава XXX. Между светом и тенью</i>	468
Примечания	495
Основные даты жизни и творчества М. М. Пришвина	525
Краткая библиография	529
Указатель имен	531
Указатель произведений М. М. Пришвина	546